6 июня – день рождения А.С.Пушкина

Искатели внутреннего света

Культура. – 2001. – 7–13 июня. – с. 12

Фото Ю.САДОВНИКОВА

Был ли Пушкин масоном?

Этот загадочный вопрос всегда интересовал как современников великого поэта России, так и нынешних поклонников его таланта. Открыт он и поныне.

Александр Пушкин был книжником. Страсть к знаниям была унаследована им от умственной атмосферы "столетия безумно и мудро". Справедливыми представляются слова русского философа Г.П.Федотова о том, что Пушкин "всеми своими корнями... уходит в XVIII век, который им заканчивается". Но, будучи последним гигантом прошедшего века, великий поэт открывает собой новую эпоху, передавая духовную эстафету от прошлого будущему.

Но что прежде всего попадает в орбиту нашего внимания? Многочисленные человеческие связи протягиваются от Пушкина к великому просветителю, знаменитому книгоиздателю и страстному масону Н.И.Новикову.

В конце XVIII века масонство буквально захлестнуло образованную часть русского общества. Почти все крупные города имели свои ложи, во главе которых нередко стояли первые лица администрации. Н.А.Бердяев характеризовал этот процесс как первую свободную, не навязанную сверху властью самоорганизацию общества в России. Именно в недрах масонства личность взбунтовалась против деспотии государства. В отличие от Запада на первый план вышли этические проблемы. Русские искатели "внутреннего света" не были просто аналогами европейских "братьев". Они выдвинули идею нравственного самосовершенствования. Их интересы сосредоточились в сфере просвещения и филантропии.

Все началось еще в детстве будущего поэта. "Властителя дум" того времени – Н.М.Карамзина – Пушкин впервые встретил в доме своих родителей. Не было тайной, что Карамзин начал свой творческий путь в кругу Новикова. (В исторической литературе за окружением Новикова закрепилось наименование "московские розенкрейцеры".) Несколько лет молодой литератор, недавно приехавший в Москву из Симбирска, прожил в своеобразном "масонском общежитии" в Кривоколенном переулке близ Меншиковой башни. Несмотря на последующий отход от масонов, Карамзин чуть ли не единственный решился поднять голос в защиту Новикова. Их связь не прерывалась до последних дней жизни великого "ревнителя российского просвещения". После кончины Новикова Карамзин поспешил направить письмо Александру I с призывом оказать помощь семье книгоиздателя.

Несколько лет Пушкины жили дом о дом с великолепным дворцом своего свойственника (по линии Ржевских) графа Д.П.Бутурлина. Он был знаменит в Москве как библиофил, собравший замечательную библиотеку, ставшую одной из достопримечательностей первопрестольной. Но, кроме того, он был масоном уже во втором поколении. Его отец был соседом Новикова по Бронницкому уезду. В своей вотчине Марьино он возвел грандиозный дворец по проекту Баженова. Отец и сын были гостями на торжественном обеде в имении Новикова Авдотьине, данном знаменитым мартинистом после освобождения из Шлиссельбургской крепости. Нет сомнения, что в доме Бутурлина имя Новикова произносилось с почтением. Оно наверняка было на слуху гениального подростка, жадно, как губка, впитывавшего впечатления бытия.

Особо следует остановиться на А.И.Тургеневе. Он был сыном одного из ближайших друзей Новикова. А.И.Тургенев на протяжении всей жизни великого поэта был его незримым спутником и тайным покровителем. Занимая видное положение в мире высшего чиновничества, именно он устроил даровитого отрока в Царскосельский лицей. Сидя рядом с Державиным, А.И.Тургенев присутствовал на знаменитом экзамене, когда юный поэт прочел "Воспоминания в Царском Селе". Пушкин был обязан А.И.Тургеневу и своим переводом из Кишинева в Одессу.

В 1826 году служебная карьера А.И.Тургенева резко оборвалась. Он был вынужден уйти в отставку, отказавшись открыто осудить своего брата Николая, одного из главных идеологов декабристов. Но до последних дней поэта, несмотря на разницу в возрасте, А.И.Тургенев оставался одним из его ближайших друзей. Именно ему выпала скорбная честь проводить тело Пушкина к месту последнего упокоения в Святогорском монастыре.

Первый директор Царскосельского лицея В.Ф.Малиновский родился в семье священника – законоучителя Московского университета. Имя этого чтимого в старой столице протоиерея упоминалось во время следствия над Новиковым как "принадлежащего масонству". Из-за ранней смерти Малиновский не оказал на Пушкина большого влияния. Но нельзя забывать, что именно на первого директора всей тяжестью легли труды по подготовке лицея к открытию, разработке устава и учебных программ, приглашению преподавателей. Дочь Анна унаследовала высокий нравственный облик отца. После 14 декабря она последовала за своим мужем декабристом А.Е.Розеном в Сибирь.

Судьба столкнула Пушкина с одним из последних питомцев Новикова. Высланный в Кишинев, он оказался под началом полномочного наместника в Бессарабии генерала И.Н.Инзова. Его происхождение было окутано тайной. Поговаривали, что он незаконный сын цесаревича Павла Петровича. Мальчика привез в Москву генерал-губернатор граф Я.А.Брюс, состоявший в масонских ложах еще в 1760-е годы. Он отдал отрока на воспитание в семью князя Ю.Н.Трубецкого. Ю.Н.Трубецкой (как и его брат Н.Н.Трубецкой) был из числа "московских розенкрейцеров" и одним из главных жертвователей на просветительские и научные учреждения Новикова. Юноша Инзов рос в атмосфере высокой нравственности, "просвещенной мистики" и любви к науке.

Добродушный Инзов поселил Пушкина в двух комнатах собственного дома и предоставил ему полную свободу, не обременяя чиновничьими обязанностями. Один из подчиненных наместника вспоминает об увлечениях своего патрона: "Всегда скромный и застенчивый старик придерживался мистицизма и любил ботанику. Большая его библиотека состояла из сочинений Сведенборга, Эккартсгаузена, Штиллинга, Бема и им подобных, а также сочинений ботанических. Разговоры чаще всего касались сочинений сказанных мечтателей". Между Пушкиным и Инзовым установились на редкость хорошие отношения. Старый генерал – холостяк и бессребреник – заботился о Пушкине почти как о собственном сыне. На все запросы из С.-Петербурга о поэте он отвечал самым благоприятным образом. Его внимание доходило до того, что он, когда Пушкин ввязывался в какую-нибудь рискованную историю, грозящую дуэлью, запирал его в комнатах. Об этом Пушкин писал А.И.Тургеневу: "Старичок Инзов сажал меня под арест всякий раз, как мне случалось побить молдованского боярина; правда – но зато добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мной о Гишпанской революции". Но, зная Инзова, можно предположить, что эти разговоры не ограничивались только текущими политическими новостями, но подчас принимали излюбленное Инзовым эзотерическое направление.

Пушкин свято чтил заслуги благородных предшественников. Более полувека имя Новикова пребывало под негласным запретом. Пушкин не упускал случая напомнить широкой публике о том, кто распространил в России первые лучи просвещения. Этими словами он характеризует Новикова в "Заметках по русской истории XVIII века", представляющих собой, по-видимому, сохранившийся фрагмент мемуаров поэта. Первым рискнувшим в печати вспомнить о Новикове был И.В.Киреевский – в большой статье "Обозрение русской словесности 1829 года", занимавшей центральное место в альманахе "Денница". Пушкин поспешил опубликовать в "Литературной газете" развернутую рецензию на этот альманах, в которой целиком привел раздел о Новикове, занимавший у Киреевского почти страницу. Он специально выделил слова Киреевского о том, что "Новиков... создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению", что "не только вся Европейская Россия, но и Сибирь начала читать". Неутомимая деятельность Новикова принесла замечательные плоды: "Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения общего мнения".

Не раз Пушкин демонстрировал хорошее знание изданий Новикова. Его особенно интересовала "Древняя Российская вивлиофика", явившаяся первым опытом публикации памятников древнерусской литературы. Об этой инициативе Новикова Пушкин собирался написать статью для "Современника". Также в его заметке о новом издании "Словаря святых, прославленных в российской церкви" он отсылает читателя к аналогичному словарю, изданному Новиковым. Проводя сравнение между обоими трудами, Пушкин подчеркивает, что полнота, научность и прочие достоинства нового словаря в большой степени стали возможны благодаря работе предшественника.

Уже на закате Пушкин сказал замечательные слова о масонах "новиковского периода": "Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали" (из статьи "Александр Радищев"). Думается, ясно, что и кого имел в виду великий поэт России.

Владимир НОВИКОВ,
кандидат филологических наук, член Союза литераторов России

P.S. *Так или иначе, но в Москве в канун 200-летия со дня его рождения была учреждена достопочтенная ложа "Александр Сергеевич Пушкин". И этот факт, думается, сам по себе является ответом на все загадочные вопросы о пристрастии поэта к обтесыванию "дикого камня" профанского мира.*